Наталья Смеречинская

Второй шанс Виктории

Наталья Смеречинская

Второй шанс Виктории

«Автор»
2026

Смеречинская Н.

Второй шанс Виктории / Н. Смеречинская — «Автор», 2026

После убийства подругами-предательницами, героиня неожиданно оказывается в теле отвергнутой аристократки-инвалида викторианской эпохи. Её жизнь меняется, и правила выживания в этом мире совсем иные. Она учится ходить заново, восстанавливает своё тело и статус в обществе, и снова встречает бывшего жениха, который проявляет к ней новый интерес. Но как выживать в мире, где английские леди не мыслят себя вне патриархального брака? Что сделает героиня, попавшая в этот строгий мир? Пора это выяснить.

© Смеречинская Н., 2026
© Автор, 2026

Наталья Смеречинская
Второй шанс Виктории

Второй шанс Виктории
Автора Наталья Смеречинская

Глава 1

— Ну, девки, за то, чтобы ни одна сволочь не ушла безнаказанной, — я ловко закинула рюмку в рот, не отрывая взгляда от "заклятых" подружек.

Нет, до этого месяца они были вполне себе нормальные. Мы познакомились на моей прошлой работе, дружили восемь лет обыкновенно. По-своему, по-бабски: мужья, дети, шашлыки, советы по покупке пуховика на зиму, совместные вылазки в бар раз в тысячелетие. Все как у всех.

Но чего не включала программа нашей "дружбы", так это то, что каждая из этих тварей, сидящая передо мной и кривящая рот в лицемерной улыбке, спала с моим "любимым" муженьком. Пусть земля ему будет стекловатой. А теперь все они собрались, чтобы поддержать горюющую вдову. Устроили жалобные взгляды, поддакивали, как мне тяжело, и по очереди вытирали фальшивые слёзы. А я? Я смотрела на них и думала, как же всё это мерзко.

— Как ты держишься? — спросила Наташка, самая жалостливая из них, с видом святой мученицы, как будто она не тащила его к себе на дачу всякий раз, когда я была в командировке.

— Держусь, — ответила я с натянутой улыбкой, играя роль той самой убитой горем жены, которою им хотелось во мне видеть.

Но внутри меня всё клокотало. Я знала о каждой из них. Мое сердце вынули, когда я услышала о смерти Максима, но когда его сослуживец передал мне вещи мужа, в том числе и телефон, на месте груди образовалась черная дыра. И она засасывала, засасывала, засасывала...

Все то светлое и чуткое, что было между нами одинадцать лет. Наш брак, чувства, быт, любовь, а потом оказалось и дружбу с вот этими вот предательницами.

Какая же я была дура... Но это они и сами знали. Что Наташка, что Олька, обе не стеснялись обсуждать меня в любовных чатах с моим муженьком. Во всех деталях и подробностях, так сказать.

Чего они не знали так это о том, что мой козлик спит с обеими. Но я им сегодня расскажу, а еще покажу....

Много чего покажу, но пока..

— Ну что, девочки, — продолжила я, чувствуя, как на губах играет странная полуулыбка, — как вы думаете, сколько бы я ещё могла это терпеть?

Наташка замерла, держа в руках бокал, будто не понимая, о чём я говорю. Ольга, напротив, напряглась, явно чувствуя, что грядёт нечто неприятное, но молчала.

— Все эти годы я была для вас хорошей подружкой, слушала ваши жалобы на жизнь, делала вид, что всё нормально. Но знаете, я не идиотка. Максим, тот ещё "умелец", — я сделала паузу, наслаждаясь их недоумёнными лицами. — В общем, он оставил мне один очень любопытный подарок. Всё записал. И наши "дружеские" отношения, и ваши похождения. И не только в тексте, девочки.

Тишина повисла в воздухе, Наташка смотрела на меня с лёгкой улыбкой, не до конца понимая, но Ольга уже начинала догадываться, и её рука слегка дрогнула.

— Знаете, что самое смешное? Я могла бы всё это забыть. Могла бы просто уехать и оставить всё позади. Но вы, девочки, — я наклонилась чуть вперёд, понизив голос, — вы перешли черту. Каждая из вас, спя с моим мужем, обсуждая меня за моей спиной... вы сами это сделали.

Я выпрямилась и небрежным жестом пододвинула к себе телефон, который лежал на столе.

— Так вот, — продолжила я, — ваш "приватный" чат с Максимом. Там не только милые послания и обсуждения, там ещё кое-что интересное. Фото, видео... Так что, девочки, надеюсь, вы любите внимание.

Они замерли, глаза широко распахнулись. Теперь обе поняли, о чём я говорю.

— Я только что выложила ваши замечательные снимки на нескольких популярных сайтах для взрослых. Думаю, у вас будет шанс стать звёздами, ведь вы всегда любили быть в центре внимания, правда?

Ольга вскрикнула, схватившись за телефон, но было поздно. Наташка сидела, как парализованная, осознавая, что её "безопасная" жизнь разрушена.

— Это... это ненормально! — выпалила Наташа.

— Ненормально? — переспросила я, вставая из-за стола и забрасывая сумку на плече. — Ненормально — это считать вас подругами, когда вы спали с моим мужем за моей спиной. А то, что я сделала — это просто справедливость.

Я посмотрела на них в последний раз:

— Ну что, девочки, за справедливость. Наслаждайтесь своим новым статусом. И удачи вам в поиске работы. Думаю, начальство будет впечатлено вашими талантами.

Прежде чем кто-то из них успел что-то сказать, я поднялась из-за столика и подхватив свое пальто пошла на выход. Пусть сами расплачиваются по всем счетам.

Мне удалось выйти на улицу без проблем.

Я шла по ночному городу, чувствуя, как лёгкость разливается по телу. Завтра я переезжаю. Квартира, которую мы делили с Максимом, уже выставлена на продажу. Всё это больше не моё, как и этот город, как и эти люди.

Я наконец-то свободна.

- Сука!- в спину меня больно пихнули от чего я почти упала.

Оборачиваясь я уже знала кого увижу. Перекошенное злобой лицо Ольги напоминало сейчас хелловинновскую маску. Ну точно ведьма, что скрывается за образом белокурой феи. Ненавижу

- Тварь! - меня снова пихнули но на этот раз в плечи.

Я лишь криво улыбнулась но не ответила, пока... До кондиции надо дойти, так чтобы потом в клочки порвать эту дуру.

- Это я то тварь, Оленька? А может это ты, тварь, слабая на передок? Но не переживай, об этом уже все знают и очень скоро ты найдёшь замену Максиму, а может и не одну.

Ольга продолжала наступать на меня, пытаясь в ярости схватить за плечо, но я не позволяла. Внутри всё кипело. Вся боль, злость, предательство — всё это нарастало, как вихрь, который требовал выхода. И что лучше всего, чем хорошая, честная драка?

— Давай, давай, бей! — выкрикнула я, чувствуя, как пульс учащается. Я жаждала этого момента, чтобы наконец выплеснуть весь тот гнев, что копился внутри. — Ты же всегда была той, кто за спиной, а теперь посмотри, каково это — сражаться в лицо.

Ольга, видимо, не ожидала такой реакции. Её шаги замедлились, но она не остановилась. Её лицо исказилось от эмоций, глаза сузились, и я увидела, как в ней тоже зарождается желание драки.

— Ах ты... — начала она, но не закончила.

Я сама пошла вперёд, резко сокращая дистанцию. Пусть попробует. Пусть ппопробует о получит от той, которая держала всё это время боль в себе.

Мои руки подрагивали, готовые к столкновению, и на этот раз я не собиралась просто стоять и терпеть.

— Ну, давай! — я почти сорвалась на крик, чувствуя, как ярость закипает внутри, как волна перед штормом. Каждая клетка моего тела требовала разрядки, выплеснуть наружу весь гнев, все разочарование. Мои кулаки уже были готовы сжаться, а тело — броситься в бой.

Ольга зарычала и сделала шаг вперёд, её глаза сверкали дикой злобой. Рука резко рванулась к моему плечу, толкая меня в грудь. Я пошатнулась назад, но не остановилась.

— Ах ты, стерва! — кричала она, замахиваясь для следующего удара. Моя реакция была молниеносной — я схватила её за руку и рванула вперёд, пытаясь сбить её с ног.

Мы сцепились, как две дикие кошки. Удары были бессистемными, хаотичными, но каждый нёс в себе всю нашу ненависть. В этом поединке не было ни правил, ни милосердия. Только чистая, необузданная злоба, накопленная за годы предательства.

- Девочки, хватит! - прозвучал голос Наташки рядом. И эта стерва прибежала вслед за подружкой.

- Оля, оставь ее, не марай руки!

Ах ты, тварь! Об меня руки? Да на себя посмотрите...

Я отвлеклась на Наташку и упустила момент когда Ольга очень ловко подцепила меня ногой сбивая. Я покачнулась и получила удар в нос отлетев к перилам.

Все бы ничего, нос заживет, ссадины тоже, но к сожалению перила на мосту, где мы сцепились были очень маленькие и доходили только до бедер взрослой женщине. А я была еще и на каблуках.

- Получай, сука! - прорывела бывшая подружка, толкая меня еще сильне в грудь. И вот этот удар был последним.

В какой-то момент я почувствовала, как теряю равновесие. Ноги соскользнули по мокрой поверхности, и внезапно весь мир начал вращаться. Я почувствовала, как моё тело летит вниз, в никуда.

- Вика, нет!

Ветер взревел в ушах, заглушая крики Наташки.

А потом — тишина. Я разбилась о ледяную воду реки. Боль пронзила всё тело, но она длилась всего миг. Тьма накрыла меня, как одеяло унося куда то глубоко-глубоко в свои недра.

Глава 2

— Где она?! Я хочу немедленно её видеть!!! Как она посмела!

Разъярённый мужской голос ворвался в сознание, вытягивая меня из беспамятства. Я с трудом открыла глаза, сердце бешено колотилось в груди. Голова кружилась, а тело казалось чужим. Я попыталась сесть, но не смогла — словно всё вокруг меня изменилось. Шум в голове постепенно стихал, и я начала осознавать, что лежу на кровати. Вокруг меня все плыло, но все же удалось расмотреть помещение.

Странно, как странно... Похоже я сплю?

Вокруг меня было само воплощение

роскоши и утончённости викторианской эпохи. Высокие потолки с искусно вырезанным карнизом создавали впечатление величия, а тяжёлые бархатные шторы тёмно-бордового цвета свисали с высоких окон, мягко драпируясь до самого пола. Свет с трудом пробивался сквозь эти плотные занавески, наполняя комнату приглушённым полумраком.

Огромная кровать с резными деревянными стойками и балдахином занимала центральное место. На её мягком, воздушном матрасе лежало множество подушек, обтянутых дорогими тканями, а покрывало было украшено кружевами и золотой вышивкой. Над кроватью висел изящный светильник с хрустальными подвесками, отражавшими тусклый свет свечей.

В углу стоял массивный, зеркальный гардероб из тёмного дерева, его поверхность была отполирована до блеска. Рядом находился туалетный столик, украшенный множеством мело-

чей: серебряные щётки для волос, флаконы духов, и изящная фарфоровая пудреница. Большое зеркало в позолоченной раме отражало часть комнаты, создавая иллюзию простора.

Пол был устлан мягким ковром с замысловатым узором, под ногами его ворс был густым и приятным на ощупь. В камине, выложенном мрамором, тлели остатки дров, придавая комнате едва ощутимое тепло и покой.

Несмотря на всю роскошь, в воздухе витало чувство старинной тяжести и времени, словно эта спальня хранила секреты десятилетий и стала свидетелем множества чужих историй.

Я бы еще расматривала это диво дивное, если бы не раздражающий напряженный разговор, что все время велся рядом со мной пока я беспечно изучала обстановку.

- Прошу вас, лорд Эшвуд, мисс Эшвуд не здорова. Ей действительно стало плохо.

- Я знаю, ваше сиятельство! Об этом также знает весь Лондон, поэтому я прошу вас отойти в сторону. Я желаю поговорить с сестрой немедленно!

— Я умоляю вас, лорд Эшвуд, дайте ей время прийти в себя! Она слишком слаба для таких разговоров,- женский голос был мягок, но неотступен в своем желании защитить эту мисс Эшвуд от ... ее родственника. Эшвуд и Эшвуд, это же родственники, правда?

Я с трудом фокусировалась на происходящем, пытаясь понять, о какой "мисс Эшвуд" они говорят. Голова кружилась, а тело всё ещё казалось неподвластным мне. "Какой реалистичный, сон?" — мелькнула мысль.

— Я не отступлю! — раздался мужской голос, резкий и раздражённый. — Как сестра могла совершить такой поступок? Её безрассудство поставило под угрозу честь нашей семьи!

Сестра? Значит, он говорит обо мне? Память всё ещё не возвращалась, и, хотя я пыталась припомнить, как оказалась здесь, в голове была лишь пустота.

Женщина снова сделала шаг вперёд, закрывая меня собой, хотя я не могла даже толком разглядеть её лицо.

— Лорд Эшвуд, умоляю вас, позвольте ей восстановиться. Это же ваша сестра и она действительно очень больна, — её голос был тихим, но твёрдым.

Я моргнула, постепенно приходя в себя и оглядываясь на происходящее. Мужчина — высокий, широкоплечий, с резкими чертами лица и сверкающими глазами — шагнул ближе, глядя на меня так, будто хотел прорваться через все преграды.

— Сестра или нет, я хочу, чтобы она ответила за свои поступки, — его взгляд был холодным, несмотря на бушующую в нём ярость.

Вторая женщина, скромная и молчаливая, стояла у стены с опущенной головой, сложив руки перед собой, явно боясь вмешаться в спор. Возможно, она была служанкой или компаньонкой, но сейчас её мнение явно не учитывалось.

— Виктория, — его голос снова прорезал тишину, и в этот момент я окончательно осознала: он действительно говорил обо мне. — Если ты можешь слышать меня, то лучше тебе объяснить своё поведение. Я не позволю, чтобы наши добрые имена были запятнаны! И тот позор, что может навлечь на нас твое...

Я сглотнула, мои губы дрожали, но мне всё ещё не удавалось заговорить. Я была словно заложница в собственном теле. Что за жизнь я вела до этого? Какую ошибку совершила эта "мисс Эшвуд"?

— Лорд Эшвуд, я прошу вас... — женщина, которая меня защищала, осторожно коснулась его руки. — Арчибальд, позвольте ей хотя бы немного отдохнуть. Вы видите, она не в силах даже говорить. Вы всё успеете обсудить, когда она придёт в себя.

От упоминания своего имени и прикосновения ее руки мужчина застыл на мгновение и наконец-то оторвав свой ледяной взор от меня уставился на женщину. Она тут же отступила и убрала руки за спину, будто бы стыдилась своего поступка

— Хорошо, — наконец произнёс он холодным тоном. — Но я вернусь. И тогда никаких больше оправданий.

С этими словами он резко развернулся и, не глядя ни на кого, вышел из комнаты, оставив после себя напряжённую тишину.

Женщина, что пыталась меня защитить, опустила плечи, облегчённо выдохнув, и медленно повернулась ко мне, её лицо наконец показалось в мягком свете камина.

— Всё хорошо, мисс Эшвуд. Он ушёл... Пока что. Вы должны отдохнуть.

Я лежала неподвижно, не в силах осмыслить всё происходящее.

Женщина, которую я пока ещё не могла вспомнить, вновь приблизилась ко мне, её лицо выражало смесь сочувствия и усталости.

— Молли, — обратилась она к скромной женщине, которая всё это время стояла у стены, опустив голову. — Позаботься о мисс Эшвуд. Убедись, что она приняла лекарство, и уложи её спать. Ей необходим отдых.

Молли быстро подняла глаза, кивнула и шагнула ближе к кровати, не осмеливаясь произнести ни слова. Её руки дрожали, но в её движениях чувствовалась профессиональная забота. В этот момент женщина, что спасла меня от ярости лорда Эшвуда, повернулась ко мне, её лицо вновь стало серьёзным.

— Мисс Эшвуд, я проведаю вас позже. Отдыхайте. Нам всем нужно немного покоя... и времени, — её голос был мягким, но в нём слышалась скрытая тревога.

Женщина, которая защищала меня, окинула последний взгляд на меня, её лицо смягчилось, и она быстро направилась к выходу, её длинное платье шелестело, как ветер. Дверь закрылась с едва слышным щелчком, оставив нас одних.

Молли приступила к своим обязанностям с привычной, почти автоматической аккуратностью. Она поправила подушки за моей спиной, подтянула одеяло и с нежностью разгладила складки на покрывале. Я не могла даже шевельнуться, чтобы помочь ей, не могла ответить ни жестом, ни словом.

— Мисс, вам нужно лекарство, — тихо проговорила Молли, избегая прямого взгляда на меня, будто бы ей было неловко видеть кого то в таком беспомощном состоянии.

Я безмолвно смотрела, как она приносит поднос с маленькой чашкой и ложкой. Она аккуратно приподняла мою голову, чтобы влить мне в рот лекарство. Горький вкус разлился по моему горлу, пролив некую долю лекарства на воротник ночной рубашки, и я почувствовала, как тёплая волна начинает медленно окутывать сознание, погружая меня в полусонное состояние.

Когда Молли закончила, она аккуратно вытерла мои губы, уложила меня обратно и приступила к гигиеническим процедурам. Она с осторожностью омыла моё лицо и руки тёплой водой с лёгким ароматом лаванды. Я ощущала её движения, но не могла реагировать — тело оставалось неподвижным, как кукла.

Закончив, Молли тихо поправила одеяло, убрала таз с водой и аккуратно расставила всё на своих местах, её движения были бесшумны. Она взглянула на меня, её глаза на мгновение встретились с моими, прежде чем она поспешно отвела взгляд.

— Вам нужно отдохнуть, мисс. Это поможет вам, — прошептала она.

Я чувствовала, как мои веки становятся всё тяжелее. Лекарство убаюкивало, увлекая в сон, но чувство тревоги не покидало меня. Что-то здесь было не так. Эта комната, эти люди, всё вокруг казалось неправильным. Словно я жила не свою жизнь(после процедур я не сомневалась, что все настоящее). Но прежде чем я успела глубже обдумать это, сон окончательно поглотил меня. Я заснула с надеждой, что проснусь и смогу всё вспомнить.

Глава 3

Но на второй день лучше не стало. Я всё так же пребывала в каком-то застывшем состоянии. Та же спальня, та же служанка, совершающая молчаливый и аккуратный уход. Та же пустота в голове, не дающая ответов на вопросы.

Абсолютная, звенящая пустота. У меня не было прошлого. Я была просто женщиной, лежащей на кровати в красивой спальне, и не могла распознать ничего из окружающего меня пространства. Всё казалось чужим, далёким. Мои попытки вспомнить хоть что-то разбивались о туман, окутавший моё сознание.

Молли, моя безмолвная спутница в этом странном заточении, продолжала выполнять свои обязанности с безупречной аккуратностью. Она приходила с лекарствами, снова помогала мне с гигиеническими процедурами и тихо уходила, оставляя меня наедине с тишиной и моими беспокойными мыслями.

Что это за место? Почему я здесь? Почему моё тело не подчиняется мне?

С каждым новым днём меня всё больше охватывало ощущение, что я заточена в собственном теле. Мир вокруг был ясен, но как будто пронзительно нереален. Даже звуки за окном — пение птиц, шелест деревьев — казались странно далекими, словно их пытались до меня донести через плотную завесу.

Самое интересное, что леди Эшвуд так и не вернулась, хотя обещала навестить и от этого я чувствовала себя еще более покинутой и потеряной.

Возможно я была особенно уязвима в этот момент и очень нуждалась в ком то сочуствующем. Ведь леди защитила меня от " брата" и я прониклась к ней искренней симпатией.

Кстати, он тоже не появлялся, что было как по мне большим плюсом.

— Мисс Эшвуд, — наконец раздался голос Молли на третий день. Она тихо, почти нерешительно, смотрела на меня. — Сегодня вас должен навестить доктор. Он придёт через час. — Её голос был мягким, но под ним чувствовалась скрытая тревога.

Доктор... Возможно, он сможет объяснить, что со мной происходит. Но вместе с этой мыслью пришёл страх. А что если всё, что я чувствую, — это не болезнь, а что-то куда более глубокое и странное?

Молли исчезла из комнаты, оставив меня наедине с моими мыслями. Ожидание тянулось бесконечно, и вскоре я услышала шаги за дверью. Глухие голоса доносились с коридора, и моё сердце забилось быстрее. Дверь открылась, и на пороге появилась леди Эшвуд, сопровождаемая высоким мужчиной в чёрном костюме с цилиндром и кожаным врачебным саквояжем в руках. Его глаза быстро окинули комнату, а затем задержались на мне.

— Доктор Хартли, благодарю вас за то, что пришли так быстро, — сказала леди Эшвуд, голос её был ровным, но с ноткой волнения.

— Разумеется, миледи, — ответил доктор, кивая. — Вы сказали, что её состояние не улучшилось?

-Да - кивнула женщина становясь ближе к окну, чтобы не мешать врачу - Она пришла в себя, но не двигается и не говорит.

После ее слов мужчина нахмурился и подойдя поближе присел на пододвинутое служанкой поближе к кровати кресло.

- Добрый день, мисс Эшвуд - вежливо и ласково поздоровался мужчина - Вы меня слышите?

Да! Да я вас слышу, но не могу ответить! Мне хотелось это сказать, но ни одно слово не вырвалось из моего рта.

Все что я смогла придумать, это опустить и поднять ресницы, сообщая, что действительно понимаю его.

- Хмм- доктор нахмурился, но больше ничего не сказал по этому поводу. Лишь спросил позволения осмотреть меня у леди Эшвуд.

Та разрешила, но подошла поближе и остановилась у изножья кровати, наблюдая за ним. Он осторожно взял меня за запястье, проверяя пульс, и взглянул так, как будто пытался проникнуть в моё сознание, понять, что скрывается за этим неподвижным телом.

— Пульс слабый, но ровный, — произнёс он, отпуская мою руку. — Миледи, как давно она в таком состоянии?

— Это уже третий день, доктор, — ответила леди Эшвуд, её голос был обеспокоенным. — Она едва реагирует на происходящее, не может двигаться и не говорит. Я опасаюсь, что это что-то серьёзное. Ваш колегга заверил меня, что это был просто женский обморок.

После этих слов доктор нахмурился, раздумывая.

— Не хочу вас пугать, леди Эвшуд, но это может быть паралич Белла или, возможно, даже истерический паралич, — начал он объяснять. — Паралич лицевого нерва, вызванный сильным стрессом или нервным потрясением. Это состояние может парализовать не только мышцы лица, но и другие части тела. В таких случаях больной часто теряет способность двигаться или говорить, хотя никаких физических травм может и не быть.

Леди Эшвуд вглядывалась в лицо доктора, её тревога усилилась.

— Но... доктор, она ведь сможет восстановиться? — спросила она, голос её дрожал.

Доктор Хартли слегка кивнул.

— В таких случаях многое зависит от восстановления нервной системы и времени. Важно обеспечить ей покой, стабильное питание и отсутствие какого либо расстройства. Я также выпишу тонизирующее средство для укрепления её организма, — сказал он, доставая из сумки маленькую бутылочку с лекарством. — Прогресс может быть медленным, но при правильном уходе есть все шансы на выздоровление.

Леди Эшвуд облегчённо выдохнула.

— Спасибо, доктор. Я доверяю вашим знаниям. Мы сделаем всё возможное, чтобы её состояние улучшилось.

Доктор подошёл к столу, на котором стояли различные флаконы, и начал записывать свои рекомендации. Я слышала их разговор, понимала, что происходит, но не могла ответить. Моя собственная беспомощность была настолько мучительной, что я лишь могла надеяться на одно — что доктор прав, и моё состояние действительно поправимо.

Молли подошла ко мне снова, бережно поправляя одеяло, словно стремясь вернуть мне хоть крупицу комфорта.

— Всё будет хорошо, мисс Эшвуд, — тихо произнесла леди, когда доктор готовился уйти. — Мы будем рядом, и вы поправитесь.

Я хотела верить этим словам, но страх перед неизвестностью всё ещё жил во мне.

Доктор Хартли убрал свои записи и ещё раз внимательно посмотрел на меня, как будто пытаясь убедиться, что его рекомендации верны.

— Я навещу её через несколько дней, миледи, — сказал он, обращаясь к леди Эшвуд. — Если состояние не ухудшится, есть все основания надеяться на постепенное восстановление.

— Благодарю вас, доктор, — ответила она с глубоким уважением в голосе. Он слегка поклонился и направился к двери, оставив меня наедине с Молли и леди Эшвуд.

Когда доктор ушёл, комната наполнилась тишиной. Леди Эшвуд встала у изножья кровати, её лицо выражало заботу, но и некую задумчивость, как будто она обдумывала что-то важное. Молли продолжала тихо убирать, её присутствие было едва заметным, словно она боялась лишний раз потревожить.

- Молли,- вдруг тихо позвала леди - Не могла бы ты оставить нас ненадолго.

Молчаливая служанка тут же бросила уборку и присев в коротком реверансе быстро и бесшумно покинула комнату.

Когда дверь за Молли тихо закрылась, леди Эшвуд осталась стоять у изножья кровати, её взгляд стал ещё более мягким. Она медленно подошла ближе к моей кровати, её шаги были

почти беззвучными на дорогом ковре. Остановившись у края кровати, она присела на стул, который стоял рядом, и наклонилась ко мне очень осторожно взяла мою руки и сжала.

— Виктория, я сделаю всё возможное, чтобы вам стало лучше, — уверенно сказала леди Эшвуд, посмотрев на меня. — Я не позволю вам страдать. И что бы не случилось дальше, обещаю: Мы добьёмся вашего выздоровления.

Её слова были ободряющими, но я не могла отделаться от странного ощущения, что в них было что-то большее, чем просто забота о моём здоровье. В её взгляде сквозила скрытая решимость, возможно даже страх. Но страх чего?

Время шло медленно, а мои мысли, окутанные мраком, всё ещё не давали мне ответов. Моя неспособность двигаться или говорить была мучительной, но ещё больше меня тревожило чувство, что я должна была что-то вспомнить. Что-то важное, что могло бы объяснить моё состояние и то, почему я здесь.

Леди Эшвуд явно собиралась сказать еще что-то, но стук в дверь прервал ее.

- Миледи, его светлость прибыли и желают видеть вас.

Услышав эти слова дама тут же побледнела и поднялась. Но несмотря на то что эта новость была для нее явно не из приятных, она все же двигалась спокойно и плавно. Удивительная выдержка!

- Хорошо, Молли - ответ был под стать манерам. Сдержаный и невозмутимый - Я сейчас приду. Поправляйтесь, мисс Эшвуд, и не о чем не беспокойтесь.

С этими словами леди покинула комнату, оставляя меня на попечение служанки.

Молли тут же принесла мне новое лекарство, которое выписал доктор, и, как всегда, заботливо помогла мне его принять. Горький вкус растекался по горлу, и вскоре я снова почувствовала ту же усталость, которая постоянно затягивала меня в сонное забытье.

Глава 4

Прошло ещё несколько дней, за которые я постепенно смирилась с мыслью, что я, мисс Виктория Эшвуд, полностью утратила память о своей жизни и совершенно не могу объяснить ни одного события, происходящего вокруг меня.

Это понимание помогло мне смириться с ситуацией и попробовать заново сложить хотя бы какие то кусочки своей жизнь. То что я смогла понять из разговоров окружающих было скудным, но все же хоть как то помогало прояснить ситуацию .

Как я уже говорила, меня зовут Виктория Эшвуд и я сестра графа Арчибальда Эшвуда. Довольно молодого лорда, который к сожалению не очень хорошо относится ко мне.

Судя по всему мы сироты, так как за это время меня не проведали родители, да и леди Эшвуд о них ничего не упоминала.

Кстати, о ней. Если я правильно понимаю, то она жена моего брата и единственная моя защитница в этом доме, если не считать безгласую Молли. Но кого интересует мнение прислуги?

Кроме них, в мою комнату заходили еще несколько служанок и доктор. Только вот все они были немногословны и бросали на меня жалостливые взгляды.

Я понимала, что мое парализованное состояние было результатом каких-то ужасных событий, что жутко разозлили моего брата, но вспомнить о них я просто не могла.

Впрочем, с того самого памятного вечера, когда я очнулась, никто больше и слова не заговаривал о тем таинственном и трагическом происшествии.

Как бы там ни было, а жизнь моя была до безобразия однотипной в эти дни. Молли, лекарство, еда, сон, короткие визиты доктора и леди Эшвуд, где она меня уверяла, как заведенная, что я поправлюсь.

Все изменилось примерно через неделю моего однотипного существования в этой комнате.

Молли провела все утренние процедуры и уже собиралась меян кормить, когда двери в комнату открыли и вошел очень редкий и нежеланный гость. Мой брат, лорд Эшвуд!

Молли замерла на месте, её руки с подносом дрожали, и она быстро отступила в сторону, опустив голову. В комнате повисла напряжённая тишина, но она была нарушена спокойным, почти ледяным голосом моего брата.

— Оставь нас, Молли, — произнёс лорд Эшвуд, не отрывая взгляда от меня.

Молли тут же присела в коротком реверансе, быстро и бесшумно вышла, прикрыв за собой дверь. Оставшись наедине с братом, я чувствовала, как воздух в комнате будто стал тяжёлым. Он сделал несколько шагов вперёд и остановился у изножья кровати, его холодный взгляд впивался в меня.

— Виктория, — начал он тихо, но в его голосе ощущалась сдерживаемая ярость. — Ты, должно быть, думаешь, что всё это как-то пройдёт само собой? Что всё можно забыть?

Его слова звучали как обвинение, хотя я совершенно не понимала, за что меня осуждают. Я не могла говорить, не могла объяснить своё состояние или своё полное недоумение происходящего.

— Я надеялся, что всё будет хотя бы в рамках видимого приличия и Генри не станет разрывать помолвку хотя бы до того времени, пока мы не сможем уладить этот скандал, — продолжал Арчибальд, его голос становился всё жёстче. — Но, видимо, я переоценил благоразумие и милосердие маркиза Хейвуда.

Генри Лэнгтон, Маркиз Хейвуд. Его имя прозвучало, как удар грома в моём затуманенном сознании. Мой жених? Было ли это так? Почему я ничего не помню о нём? Что произошло между нами, что привело к разрыву?

Арчибальд продолжал смотреть на меня, ожидая хоть какой-то реакции, но я была не в состоянии ответить. Моё тело оставалось неподвижным, а разум — погружённым в пустоту. Всё, что я могла сделать, это пытаться понять и проанализировать новость, что так сильно разозлила моего брата.

— Генри разорвал помолвку на следующий день после... твоего позора, — он произнёс эти слова с явным презрением. — Он посчитал, что ты больше не подходишь для роли его супруги. И я не могу его винить за это.

Позор? Что я сделала? Я отчаянно пыталась вспомнить хотя бы малейшую деталь, хотя бы крупицу информации, но в голове была пустота. Как будто кто-то вытер целую страницу из моей жизни.

— Ты всё усложнила, Виктория, — продолжал Арчибальд. — Теперь нам придётся решать всё это, как обычно, самостоятельно.

Он замолчал на мгновение, его взгляд снова стал ледяным.

— И если ты думаешь, что сможешь продолжать играть в жертву, знай: я не позволю тебе разрушить нашу семью ещё больше. Ты отправляешься в семейное имение и проведешь там остаток своей жизни. И не смотри на меня так. Лучше было бы отправить тебя в Бедлам, обьявив сумасшедшей, но ты все же моя сестра и я проявлю к тебе максимальное милосердие.

Мои внутренности сжались, как только я услышала эти слова. Семейное имение... Бедлам... Он не шутил. Арчибальд смотрел на меня, как на постороннюю, как на обузу, которую нужно скрыть подальше от посторонних глаз. Я не могла ничего сказать в своё оправдание, не могла даже пошевелиться, но внутри меня бурлили эмоции — страх, смятение, гнев.

— Считай это твоим последним шансом сохранить хоть какую-то честь, Виктория, — продолжал Арчибальд, его голос был холоден и неумолим. — Я позабочусь о том, чтобы всё было улажено как можно тише. Ты уедешь в имение завтра же. Там никто не будет задавать тебе вопросов. Никто не будет осуждать тебя, но и любые визиты я запрещаю.

Его последние слова звучали скорее как угроза, нежели утешение. Мне предстояло провести остаток жизни в изоляции, заточённой в старом семейном имении. Мысли об этом

вызвали волну паники. Я не могла ничего вспомнить, не могла даже понять, в чём была моя вина, но одно было ясно — мой брат собирался вычеркнуть меня из жизни, и я ничего не могла с этим поделать.

— Будь благодарна за то, что я не оставил тебя на милость публики и скандалов, — добавил он, после чего развернулся и направился к двери.

На пороге он на мгновение остановился, но так и не оглянулся.

— Ты должна смириться с тем, что всё кончено, Виктория. Перестань манипулировать Маргарет. Она больше не твоя подруга, а леди Эшвуд - моя жена и мать моих будущих наследников. Прими свою участь и исчезни с достоинством.

С этими жестокими словами напоследок он вышел оставив меня в полном смятении одну. Холодок страха пробежал по всему телу. Что же случилось на самом деле? Почему я ничего не помню, и за что меня так наказывают? В голове вихрем проносились мысли, но ни одна из них не приносила ответов.

Я лежала на кровати, парализованная не только физически, но и страхом перед будущим, которое теперь казалось еще более непонятным и неизбежным.

Вскоре после того, как дверь за Арчибальдом закрылась, в комнате снова наступила гнетущая тишина. Я лежала неподвижно, пытаясь осмыслить услышанное и хотя бы примерно представить, что ждет меня впереди.

Дверь снова приоткрылась, и в комнату вернулась Молли. Её шаги были бесшумными, но я чувствовала, как она медленно приближалась к кровати. В её глазах я заметила сожаление, но не осмеливалась ожидать от неё чего-то большего. Она молча начала поправлять моё одеяло, словно пытаясь проявить хотя бы каплю заботы в этот мрачный момент.

— Мисс Эшвуд, — тихо произнесла Молли, её голос был полон сочувствия. — Я знаю, что вам тяжело. Но я сделаю всё возможное, чтобы вам было комфортно.

Я не могла ответить ей, не могла выразить свою тревогу, непонимание, растеряность и боль, но её слова принесли крохотное облегчение в моё беспомощное состояние. В этот момент дверь снова открылась, и в комнату вошли ещё две служанки. Они коротко поздоровались присев в реверансе и сразу же принялись за работу.

Одна из них подошла к большому гардеробу, доставая оттуда тяжёлые сундуки и дорожные сумки. Другая начала раскладывать платья и личные вещи. Это были мои вещи. Сборы начались.

Молли подошла ко мне поближе и, присев рядом на стул, осторожно вытерла слёзы, которые я не заметила на своих щеках. Вся сцена казалась нереальной — я была просто наблюдателем в собственной жизни, не в силах повлиять на своё будущее.

— Мы уезжаем завтра, мисс. Лорд Арчибальд велел подготовить всё к утру.

Она аккуратно поправила подушки под моей головой, словно стараясь хоть немного облегчить моё положение, но я была словно зажата в тисках безысходности. Оставалось только ждать — ждать неизбежного утра, когда меня увезут в старое семейное имение, где я проведу остаток жизни в одиночестве и тишине, далёкая от всегои всех.

Но может быть это и к лучшему?

" Ты же хотела новую жизнь?" - мелькнула молненосная мысль и тут же пропала.

Правда? Я хотела? Возможно... Но уж точне не парализованой отверженной и ненужной.

Хотя.. В эту минуту мне вспомнились цветы, что росли на зловонных кучах отходов на краю дорог ведущих из Уайтчепела в Чипсайд. Ведь в такой мерзкой среде они умудряются расцветать, даря миру свою хрупкую красоту. Разве не могу и я, создать свой маленький уголок счастья в таких ужастных обстоятельствах, где почти все против меня?

Найти радость... Так, стоп! Я.. Я помню эти дороги?

В тот момент, когда мои мысли неожиданно свернули в сторону воспоминаний, меня охватила новая волна замешательства. Уайтчепел? Почему это место вдруг всплыло в моём

сознании? Что я могла делать в мрачном, неблагополучном районе Лондона, где редко появлялись аристократы, да ещё и молодые леди? Моя голова словно разрывалась на части от попыток восстановить хоть какие-то связи. Воспоминания о цветах, растущих среди грязи и смрада, казались настолько реальными, будто я была там совсем недавно.

Но как такое могло быть? Я же мисс Виктория Эшвуд, из уважаемой семьи. Как я могла оказаться в тех трущобах? Моя память снова ускользала от меня, и любая попытка ухватиться за её обрывки тонула в пустоте.

Молли, не подозревая о моём внутреннем смятении, продолжала заботливо поправлять одеяло и корректировать своих товарок. Тем временем служанки методично собирали мои вещи, их движения были уверенными и быстрыми, как будто они делали это уже не раз.

— Мисс, — тихо заговорила Молли, заметив, что мои глаза затуманены слезами и беспокойством. — Я еду с вами. Леди Эшвуд распорядилась.

Это была слабая попытка меня утешить и хоть как то намекнуть, что одну меня не оставят.

Но мои мысли были далеко. Я вновь и вновь прокручивала в голове обрывки воспоминаний о Чипсайде и Уайтчепеле. Почему это место возникло в моей памяти? Как оно связано с тем, что сейчас происходит? Чем больше я думала, тем сильнее росло моё чувство, что за этим стоит нечто большее, чем просто семейный скандал. Возможно, тайна моего прошлого не так проста, как хочет представить мой брат.

"Но почему я ничего не помню?" — повторяла я про себя. Вопросы без ответов жгли меня изнутри, и я понимала, что если даже поеду в это зловещее имение, то не смогу успокоиться, пока не выясню, что же произошло на самом деле.

Загадка. Страшная, таинственная и, возможно, опасная.

Завтра меня увезут прочь, но я знала, что где-то в прошлом кроется ключ к разгадке моей незавидной судьбы.

Глава 5

На следующее утро всё началось с тихого шороха, когда Молли вошла в комнату, как всегда бесшумно и осторожно, ведя за собой еще двоих служанок. Ирму и Мари, если я не ошибаюсь.

Очень быстро проведя обычный туалет они начали облачать меня в подготовленную с вечера одежду.

Первой на меня надели тонкую хлопковую сорочку, аккуратно натягивая её на неподвижное тело. Они поднимали мои руки, обхватывали ноги, делая всё настолько бережно, насколько это было возможно.

Затем служанки надели чулки. Их пальцы ловко закрепляли подвязки, следя за тем, чтобы ткань не причиняла дискомфорт. Я не чувствовала, как холодное кружево касается моей кожи, но могла представить это.

Следующей была нижняя юбка — её подол шуршал, пока служанки аккуратно спускали её по телу, поддерживая меня так, чтобы всё сидело на месте.

Когда очередь дошла до корсета, я даже немного ощутила, как его тугие шнуры начали сдавливать мою грудь, ограничивая дыхание. Что дало мне хоть немного радости в этот тревожный момент.

Однако, будучи парализованной, я не могла выразить свои ощущения и просто полулежала неподвижной куклой. Корсет затягивали аккуратно, но плотно, чтобы придать мне аристократический облик.

Поверх корсета они надели тяжёлое бархатное платье. Его мягкая ткань падала на моё тело, но я могла лишь молча ощущать этот вес. Каждое их движение было плавным и осторожным, так как они понимали, что любое резкое действие могло бы причинить мне вред или дис-

комфорт. Последними деталями стали шляпка и плащ с меховой отделкой, который служанки бережно расправили на моих плечах.

Когда я была полностью одета, пришло время переносить меня на носилки. Двое крепких слуг с огромной осторожностью поднимали меня, словно фарфоровую куклу, совершенно неподвижную и безвольную. Они слаженно работали в унисон, чтобы не причинить мне неудобств. Молли, не отрывая глаз, внимательно следила за процессом.

Медленно и аккуратно они начали выносить меня из комнаты, спускаясь по лестнице и обмениваясь рекомендациями. Я ощущала слабую вибрацию от каждого их движения, но тело не реагировало на это.

Как только мы достигли двери, меня осторожно перенесли в карету, чёрную, внушительную, с мягкими сиденьями и просторным интерьером, приспособленным для больных. Внутри карета была тщательно обустроена: толстый ковер на полу, мягкие подушки вдоль стен, и матрас, на который меня аккуратно уложили.

— Всё будет хорошо, мисс Эшвуд, — тихо шепнула Молли, заботливо поправляя одеяло вокруг меня, будто стремясь успокоить, хотя бы словом.

И все же брат позаботился обо мне, несмотря на откровенную холодность и даже некоторую ненависть с его стороны. А значит, что надежда на примирение есть. Как впрочем и на мое выздоровление.

Снова спомнилось, то слабое и отдаленное чувство, когда мою грудь затягивали в корсет. Еще пару дней назад я абсолютно ничего не чувствовала, а теперь...

Я поправлюсь и постараюсь вернуть все потеряное в этой жизни. Главное надеятся и радоваться, как тот цветок из Уайтчепела.

Вот! Еще одна цель! Виктория, ты должна узнать откуда у тебя эти воспоминания. И странное поведение жених, бывшего жениха, тоже требует обьяснений.

В общем, я начала настраивать себя на хороший лад пытаясь перебороть все те ужасные мысли, что мучили меня такое длительное время. Нет-нет, я не должна впадать в тревогу и жалость к себе иначе просто окончательно зачахну потеряв смысл жизни.

Дверь кареты закрылась и я услышала, что последние приготовления были закончены. Кучер ухватился за вожжи и мы медленно тронулась с места. Лёгкая качка от колес была смягчена подвесками. Однако, несмотря на всё внимание к деталям, путешествие предстояло долгим и полным неизвестности.

Ещё меня терзало сожаление, что я не смогла попрощаться с Маргарет Эшвуд перед отправкой. Её отсутствие говорило о многом — о том, что Арчибальд принял окончательное решение оградить свою жену от меня, от той "падшей обузы", которой я стала в его глазах. Когда-то Маргарет была мне подругой, возможно, единственной настоящей. Но теперь она — леди Эшвуд, его жена, и её долг, как жены, состоял в том, чтобы следовать указаниям мужа.

Молли, заметив моё состояние, тихо сказала:

— Мисс Эшвуд, леди Маргарет очень переживает за вас. Она хотела увидеться, но... — она замялась, словно не хотела сказать что-то лишнее. — Лорд Арчибальд посчитал, что это не будет полезно для вас обеих.

Конечно, Арчибальд запретил ей приходить. Возможно, он боялся, что её сочувствие и поддержка дадут мне неверные надежды, а может быть, это было ещё одно проявление его ярости и стремления стереть меня из их жизни.

Но как уж есть. Протестовать я не могла и даже не видела в этом смысла сейчас, когда абсолютно ничего не помню.

Тем временем путешествие продолжалось.

Часы поездки тянулись бесконечно, сменяя друг друга так, что время казалось потерянным в ритмичном покачивании кареты. Мягкое шуршание колес, касающихся дороги, и приглушённые звуки снаружи были единственным напоминанием о том, что мы движемся вперёд.

Прошло не больше нескольких часов, но мне казалось, что это целая вечность. Благодаря заботливой служанке, меня устроили так, что я могла видеть все, что происходило за окном.

Пейзажи медленно сменяли друг друга : сначала мы проезжали по мощёным улицам заводненного людьми Лондона, затем, покидая город, карета выехала на более узкие, пыльные дороги. Молли сидела неподалёку, держа руки на коленях и читала вслух какой-то роман.

Медленно и иногда с ошибками, но я была ей очень благодарна.

Заботливая служанка пыталась максимально разнообразить мою жизнь и сделать ее комфортной.

Иногда она смотрела на меня, и я ощущала её тревогу, но излишней навязчивости Молли не проявляла.

Что я особенно оценила в последующие дни, так это то, как сильно дорога истощала меня. Такой измотанной и уставшей, я себя никогда не чувствовала. Казалось, что каждая миля, пройденная каретой, вытягивала из меня последние крохи сил. Дорога просто высасывала всё: моральные, физические, а иногда и духовные ресурсы, оставляя меня в полном опустошении.

Смотреть в окно было болезненно. Поля, деревни, леса и редкие встречные повозки проходили мимо, как жизнь, которая продолжала свой путь, не обращая на меня внимания. Вокруг кипела повседневность, продолжая с тем же ритмом отмерять свои шаги, что и всегда, но я больше не была её частью. Всё, что у меня когда-то было — семья, здоровье, даже будущее — казалось утерянным.

И как же было трудно не утонуть в этих мыслях, особенно в момент физической немощи. Но я все же не позволяла себе этого делать.

Брала в руки силу воли и повторяя бесчисленное количество раз: " Все хорошо! Ты выберешся и построишь новую жизнь! Счастливую и спокойную", я сосредотачивалась на пейзаже за окном.

А мимо пролетали деревушки матушки Англии. Поселения были живописные и тихие, разбросанные среди зелёных холмов и пастбищ. Они были одновременно очаровательными и простыми, отражая дух сельской жизни этого времени. Узкие, извилистые улочки были вымощены камнем, а вдоль них стояли аккуратные домики с соломенными крышами или черепицей, сложенные из местного камня или кирпича.

Деревенские дома часто имели небольшие окна с рамами, разделёнными на маленькие стеклянные секции. У каждого дома был ухоженный палисадник с цветами, чаще всего розами, геранью или лавандами. Скамейки из дерева стояли перед входом, а через узкие дорожки перебегали домашние животные.

В центре деревень обычно находилась небольшая церковь с высоким шпилем, выложенным камнем, часто окружённая кладбищем с резными надгробиями. Церковь была сердцем деревенской жизни, местом, где люди собирались на службы и праздники. Рядом с церковью располагалась деревенская площадь с небольшими лавками — пекарней, мясной лавкой и продуктовым магазином, где крестьяне продавали свою продукцию.

Паб был ещё одним важным центром деревенской жизни. Это был каменный или кирпичный дом с низкими деревянными балками и уютными очагами, где местные жители собирались вечером, чтобы обсудить новости или отдохнуть после долгого трудового дня. Табличка с названием паба, часто нарисованная вручную, висела над входом, придавая месту особый шарм.

Деревенские улочки были окружены зелёными лугами и полями, где паслись овцы и коровы. Вдоль дорог стояли изгороди, сложенные из камней или деревьев, а маленькие мостики перекидывались через ручьи, создавая сказочную атмосферу. Вдалеке могли возвышаться мельницы или небольшие усадьбы землевладельцев, окружённые садами и фруктовыми деревьями.

Здесь жизнь текла медленно, ритм задавался природой и сменой времён года, а общение между людьми было простым и искренним.

Какой контраст с пыльным, грязным и перенаселенным Лондоном.

Но если быть не предвзятой, то грязи везде хватает.

- Леди, леди! - погруженная в созерцание монотонных пейзажей я даже не заметила, как уснула.

- Леди, мы приехали!

Глава 6

Сказать что наш приезд устроил настоящий переполох, это ничего не сказать. Быстрее я описала бы это как паническое бегство покругу. Оказалось, что прислугу никто не предупредил и дом был абсолютно законсервирован и не готов к приезду хозяев. Тем более новость о том, что леди Виктория, парализованая молодая хозяка возможно переехала навсегда, вызвало просто истерику.

Ведь поместье было очень большим. Я бы сказала огромным по меркам стесненного и зажатого Лондона.

Само семейное гнездо Эшвуд выглядело довольно новым, но всё же внушительным. Здание было построено из светлого камня, что придавало ему не столько мрачность, сколько строгость и величие. Фасад был украшен высокими окнами с белыми рамами, которые тянулись почти до самого крыла. Я заметила, что на каждом окне были ставни, и некоторые из них уже начинали ветшать от времени.

Главный вход был расположен за широкой, аккуратно выложенной дорожкой, по бокам которой тянулись клумбы с тщательно ухоженными растениями. Высокие двери были сделаны из полированного дерева, и, хотя на них не было сложной резьбы или изысканных украшений, они всё равно выглядели внушительно. Около входа — несколько аккуратно подстриженных кустов, что придавало поместью строгий, но ухоженный вид.

Дом был большим, но не подавляющим. Он скорее создавал ощущение уюта и достатка, чем монументальности. Никаких древних башен или готических элементов — всё было пропитано сдержанным аристократическим вкусом, как будто его хозяева ценили современность и практичность больше, чем старинные традиции.

Правда наслаждаться в полной мере этим уютным по суть домом я не смогу. И все же... Если доктор Харли был прав и у меня есть шанс поправится, то мне показалось, что именно это место подходит для исцеления как нельзя лучше. Будто сам воздух здесь был другим.

Свежим, насыщенным, родным и теплым.

- О, мисс Эшвуд, простите!

Ко мне и Молли подошла высокая, сухопарая женщина со строгим лицом, но добрыми глазами.

- Мы понятия не имели, что вы приедете, но уверяю вас, леди, уже через пол часа все необходимое будет готово.

Почему то я ей сразу же поверила, глядя на то как вокруг судорожно суетятся слуги.

- Куда вы планируете перенести леди, миссис Дженкинс? - спросила Молли с почтением в голосе.

- Пока что в гостинную, мисс Молли- ответила управляющая (если я все правильно поняла) - Она не была закрыта на случай визита кого то из соседей и убиралась, а также протапливалась регулярно. Мы постарались сделать все максимально удобным.

Последнее было обращено ко мне и миссис Дженкинс не соврала. Когда меня занесли в дом и доставили в гостинную я увидела как почти весь ковер, поближе к камину, устеленый мягкими подушками. Причем не в один, а в два слоя. При этом прислуга приносила еще и еще, и среди них я видела не только дорогие перины, но и подушки попроще, что явно принадле-

жали кому то из прислуги. Возможно, что и самой миссис Дженкинс в том числе. Сердце мое наполнилось теплом, когда я поняла. Мне здесь не просто рады - меня здесь любят. Искренне и по мере своих скромных сил людей намного ниже по статусу. Но это было не важно, если здесь я не столкнусь с враждебностью, то переезд в Эшвуд -Корт будет скорее удачей нежели ссылкой.

- Спасибо, Роберт, подушек больше не надо - сообщила управляющая, опытным взглядом определив, что ложа для меня более чем достаточно - Отправляйся в комнаты мисс и проследи, чтобы все было готово, а потом займитесь библиотекой и личным кабинетом лорда.

— Мисс Эшвуд, если вы позволите, я приготовлю для вас горячий чай и легкую закуску, — добавила миссис Дженкинс с ноткой заботы в голосе, кивая слугам, которые мгновенно откликнулись, начиная бережно укладывать меня на импровизированную постель. - Ужин уже прошел, но, думаю, повариха будет не против.

" В Эшвуд-Корте всегда ужинают рано. Обычно в шесть часов" - мелькнула псевдо обыденная мысль и я тут же оживилась. Я начинаю вспоминать? О, да! Я начинаю вспоминать! Ведь откуда я могу знать, что библиотека на втором этаже с диваном и тремя креслами обтянутыми...

... обтянутыми мягкой тёмно-зелёной тканью, а над камином висит картина с охотой? И то что за креслами очень удобно было прятаться играя в прятки с Кексиком - Арчи, который в десять напоминал краснощокий боченочек. Стоп! Я помню его в том смешном камзоле из которого он давно вырос, но так не хотел менять. Ведь ему казалось, что он выглядит взрослее.Да! И эти уши... Я помню! Помню!

Не все, конечно же, но обрывки воспоминаний, как клочки порваной бумаги, возвращаются ко мне! Память, которую я считала безвозвратно потерянной, начала понемногу восстанавливаться.

Моя голова была полна картин: лестница с вычурной резьбой, ведущая на второй этаж, длинные коридоры, увешанные портретами предков, и светлое зимнее утро, когда вся семья в редкие минуты уединения собиралась за завтраком в той самой гостиной, где сейчас меня уложили. Эти образы казались такими реальными, но в то же время далекими, словно из другой жизни.

Молли, будто бы чувствуя мои внутренние изменения, бросила на меня быстрый взгляд, её брови слегка нахмурились, но она ничего не сказала. Слуги продолжали суетиться, выполняя последние поручения миссис Дженкинс.

— Мисс Эшвуд, — обратилась управляющая, подойдя ближе и глядя на меня с добрым уважением, — я позабочусь, чтобы ваше пребывание здесь было столь же удобным, как и в вашем лондонском доме. Мы сделаем всё возможное.

Я хотела бы кивнуть в знак благодарности, но, как всегда, могла только смотреть. Однако мне показалось, что миссис Дженкинс поняла. Она знала меня с детства ,я была в этом на тысячу процентов уверенна, и слова ее были от чистого сердца.

С этим миссис Дженкинс поклонилась и вышла оставив меня на попечение верной Молли.

Но порядок установленный ею работал безотказно. Чай мне принесли уже через десять минут и пока Молли кормила и поила меня, исполнительные служанки завершили уборку комнаты. Так что меньше чем через час меня со всеми почестями и осторожностью перенесли в светлую просторную комнату. С большими окнами и милой обстановкой.

Комната была украшена в пастельных тонах, на стенах висели картины с пейзажами, которые, как мне казалось, я уже где-то видела. Близость камина дарила приятное тепло, а высокая кровать, на которой меня аккуратно уложили, была невероятно мягкой. Здесь всё дышало покоем и заботой. На полке около окна стояли несколько книг, а на столике перед камином — ваза с цветами, свежими, несмотря на осенний холод за окном.

Мне здесь понравилось, очень! Захотелось пройтись по этой комнате, взять с полки одну из книг и полистать, сесть за вот то бюро в углу и начать писать письмо леди Маргарет, а после того как закончу, выглянуть в окно которое выходит прямо в сад.

Откуда я знаю? Я просто помню. Помню это так, будто происходит оно на яву.

Мне всего этого хотелось, очень, но удалось лишь устало пошевелить ресницами, а потом и вовсе подумалось, что спать это не такая уже и плохая идея. По крайней мере во сне я могу ходить ,я свободна и там все хорошо. Как жаль, что нужно просыпаться. Ведь если оставаться в этом прекрасном мире полудрем.

Я так и провалилась в сон, даже не заметив, вернее посчитав за мечту то, что безымянный палец на моей правой руке слегка шевельнулся.

Глава 7

Полгода спустя...

Первый день лета выдался неимоверно жарким. Будто бы природе не терпелось пуститься во все тяжкие, и для этого был нужен лишь формальный повод — такой, как начало сезона.

Несмотря на то что на улице довольно сильно припекало, Молли решила устроить нам прогулку, неукоснительно следуя инструкциям доктора Хартли.

Мне лишь оставалось подчиниться, так как говорить мне было ещё тяжело, а вступать в полемику с верной служанкой не было никакого желания. Иногда Молли забывала грань, когда дело касалось моего здоровья, а я не желала напоминать ей о кардинальном отличии наших положений.

В ссылке забываешь о строгом этикете и можешь позволить себе некие вольности.

Хотя ссылкой это было по мнению Арчибальда и Маргарет, каждый из которых в той или иной мере считал, что я страдаю в Эшвуд-Корт. Но на самом деле это было не так, совсем не так.

Здесь мне удалось обрести покой, уют и заботу, которой явно не хватало в Лондоне. Благодаря этому, ну и, наверное, ещё благотворному влиянию природы, я начала быстро идти на поправку. Со временем в руки и ноги начала возвращаться чувствительность. Постепенно я смогла шевелить конечностями, и это было просто чудом. Маргарет тут же примчалась из Лондона в тайне от Арчибальда, прихватив с собой доктора Хартли.

Доктор был сдержан и профессионален, но я видела на его лице лёгкую тень удивления, когда он осмотрел меня.

— Прогресс просто удивителен, мисс Эшвуд, — говорил он, внимательно проверяя мои руки и ноги. — Если всё продолжится в таком темпе, то через несколько месяцев вы сможете самостоятельно ходить.

И его слова оказались пророческими. К лету мне удалось научиться передвигаться на прямых ногах. Не скажу, что я могла бегать или ходить самостоятельно, но с гордостью могу сказать, что дорожку вокруг поместья преодолеваю почти без участия Молли.

А вот с речью и памятью меня ждал сюрприз. Обычно в таких случаях именно они возвращаются первыми, но не в моём.

Речь оставалась для меня трудной. Слова приходили медленно, с усилием, как будто мне приходилось вытаскивать их из глубин своей памяти, где они застряли вместе с частями моего прошлого. Иногда мне удавалось сказать несколько предложений подряд, но каждый раз это было мучительно, и я чувствовала, что не могу выразить всё, что думаю или чувствую.

Молли всегда терпеливо ждала, когда я заговорю, не подгоняя меня и не показывая, что это доставляет ей неудобство. Она просто слушала, кивая и мягко поправляя меня, если я вдруг сбивалась. Её забота была важной частью моего выздоровления, и хотя я часто молчала, наши прогулки и разговоры — даже короткие и отрывочные — стали для меня важным ритуалом.

Что касалось памяти, её возвращение казалось ещё более сложным процессом. Я помнила многое из своего детства, отрывочные моменты жизни в Лондоне, но самые важные события, которые привели меня сюда, оставались скрытыми за туманом. Генри, моя помолвка, события, что вызвали разрыв, — всё это было как закрытая книга, страницы которой я не могла перевернуть.

Но это было не всё!

Самое странное и пугающее было в другом. Мои воспоминания делились на две части. Одна принадлежала моему детству здесь, в Эшвуд-Корт, а вторая...

Вторая была о совсем другой женщине. Её тоже звали Виктория, и она жила в очень странном мире. Правда, когда я ныряла в эти обрывочные видения, мне так не казалось. Двадцать первый век, странные вещи: машины, компьютеры, телевизоры... Даже если бы я могла говорить нормально, у меня бы не хватило слов, чтобы описать всё это. Да я бы и не рискнула.

Иначе брат исполнил бы свою угрозу и действительно отправил меня в Бедлам.

Поэтому я старательно гнала прочь эти пугающие и непонятные образы. Да и волновало меня нечто большее. Узнать толком, что послужило причиной моего разрыва с женихом, падения в глазах общества и тяжёлого физического состояния так и не удалось. Всё это было покрыто мраком какой-то неразгаданной тайны, и я никак не могла взять в толк, что же стало причиной.

Да и вообще, выбор Генри Лэнгтона всегда удивлял. Как только я стала более-менее свободной в движениях, тут же взялась за изучение родословной моего несостоявшегося мужа. Почему меня интересовал человек, чьего лица я даже не помнила?

Всё просто — я считала его виновником моего нынешнего плачевного положения. Конечно, такие мысли были далеки от благовоспитанности леди, ведь в нашем обществе вся ответственность всегда ложилась на женщину. Но признаюсь: в душе я возлагала всю вину именно на Генри Лэнгтона.

Судя по обрывкам разговоров, которые я слышала (да, мне приходилось подслушивать сплетни горничных, что было позором для леди, но выбора не было), а также по туманным намёкам Молли, я поняла, что из-за отказа маркиза от помолвки я оказалась опозорена.

Когда же выяснилось, что я больна и больше не появляюсь в свете... О, для меня двери многих благородных домов были закрыты.

Правда, я и сама не могла туда явиться по состоянию здоровья, но всё же... Обидно осознавать, что ты теперь навсегда пария, и не понимать, что стало причиной.

Так вот о странных мотивах этого несостоявшегося брака. Несмотря на то, что я происходила из хорошей семьи, и мой брат был графом, наш титул всё же был недостаточно весом для маркиза Хейвуда. Дело в том, что мой бывший жених был наследником своего престарелого дядюшки, лорда Эдмунда Уиндема, герцога Пембрука. Тот обещал вскорости отойти в мир иной и передать Генри титул герцога.

Согласитесь, маркиз мог претендовать как минимум на дочь герцога, а тут была я. Да, они с моим братом были дружны (это я узнала от прислуги), но дружба в дела политические не вмешивалась, а браки среди аристократов — это всегда политика.

Но что-то заставило Генри Лэнгтона выбрать меня. И всё же этот выбор обернулся катастрофой.

Больше всего меня смущал вопрос: почему он так внезапно отказался от помолвки? Когда всё уже было решено, когда мы объявили о своём союзе, а наши семьи строили планы, что могло так резко поменять его мнение? И почему это совпало с моим заболеванием?

Где-то глубоко внутри я чувствовала, что эти события связаны. Как будто одно следовало за другим в странной последовательности, но я не могла сложить все кусочки вместе.

Высшее общество легко приняло решение будущего пера наградив невесту всеми смертными грехами и без тени сомнения найдя причину в ее личности и поведении, но я была

не согластна с ними. Нет, не потому что была пострадавшей стороной, а потому, что потеря памяти помогла мне посмотреть на эту ситуацию как будто бы со стороны.

Что-то здесь не сходилось!

И я должна была узнать правду.

Но не сейчас. Сейчас меня ожидала прогулка на улице, что была еще одним шагом к собственному выздоровлению.

Долгому и мучительному. Ведь даже самые простые движения давались с невероятным трудом, словно мое тело упрямо сопротивлялось любым попыткам ожить. Первые шаги были символическими — я могла лишь немного двигать пальцами и кистями, а Молли аккуратно направляла мои руки. Это были маленькие победы, незаметные для стороннего наблюдателя, но для меня — огромные.

Прогулки стали важной частью этого процесса. Доктор Хартли убеждал меня в их значении: «Свежий воздух и солнце пробуждают не только тело, но и разум». Но каждая прогулка была вызовом. Молли усаживала меня в инвалидное кресло, и, хоть я не могла выразить ей благодарность словами, в моих глазах она, вероятно, видела всё. Мы гуляли по аллеям, медленно, подставляя лицо первому летнему теплу. Природа пробуждалась, и в ней я искала силу для своего тела.

Чуть позже начали вводить водные процедуры. Вода казалась единственным местом, где я не чувствовала постоянной тяжести собственного тела. В теплой воде, под нежным присмотром Молли, я пыталась снова ощутить движение, словно это могло пробудить забытые сигналы в моем мозгу. Первые попытки пошевелить пальцами в воде были мучительно медленными, но каждый успех, как маленький шаг на пути к возвращению меня самой себе, вдохновлял.

Каждый день включал в себя короткие ментальные упражнения — воспоминания, которые я медленно собирала по крупицам. Я старалась вспоминать запахи, звуки, картины из своего прошлого. Это тоже была часть моего лечения: осознание того, что память и здоровье могут вернуться, если только я не сдамся.

С каждым днём, хоть и медленно, я начинала чувствовать свое тело лучше. Весь процесс — не просто физический, но и духовный — стал для меня важным этапом в борьбе за свою жизнь.

- Нам пора на улицу, мисс - Молли напомнила о себе - Вы желаете зеленую или черную шляпку?

Это был наш привычный ритуал. Вообще-то зачастую одежду подготавливает прислуга, но я однажды наотрез отказалась одеть синюю, бесвкусную шляпку, что показалась мне страшно уродливой. И с тех самых пор Молли всегда перед выходом оставляла выбор за мной.

Это даже как то помогало почувствовать свою самостоятельность.

- Ту! - меня хватило только на это слово и слабый тычек в сторону зеленой шляпки.

В такую жару черный это приговор и даже совсем не модный приговор. Ох, почему это словосочетание кажется таким знакомым?

- Хорошо, мисс - откликнулась в это время Молли и одела на меня шляпку завершая образ - Идемте.

Служанка подхватила меня под локоть с одной стороны, с другой меня тут же поддержал лакей и мы направились к лестнице.

А вот и моя персональная голгофа. Вы себе даже не представляете сколько сил мне стоит один спуск или подьем по ней.

Тридцать шесть ступеней и один длинный лестничный пролет. Каждая из них была полита моим потом и кровью.

Каждый шаг — это как отдельная битва. Когда ты проводишь полгода в неподвижности, любое движение становится испытанием, а лестница — как горный перевал. Моё тело ещё

сопротивляется, несмотря на все усилия и постоянные тренировки. Но сейчас я сжала кулаки, буквально и метафорически, и сделала первый шаг вниз.

Молли и лакей держали меня с обеих сторон, не позволяя упасть. Этот спуск был не просто физическим движением — он символизировал мой путь к возвращению к жизни. Я знала, что каждый шаг приближает меня к той, кем я когда-то была.

— Осторожно, мисс, не торопитесь, — мягко напомнила Молли, и я уловила нотку заботы в её голосе. О, мне не стоило напоминать об этом. Я и так ползла с трудом копируя черепаший шаг. Но все в этом мире приходит к завершению и мы наконец добрались до подножия лестницы.

Как только я снова ощутила твердый пол под ногами, напряжение немного отпустило. Но впереди нас ждала прогулка — еще одно испытание, хотя и более приятное, чем спуск по лестнице.

— Сегодня особенно жарко, мисс, — проговорила Молли, помогая сесть в инвалидное кресло. — Но доктор Хартли сказал, что свежий воздух — это лучшее лекарство, даже если солнце палит. Мы отправимся к озеру, там прохладнее, и я думаю, вам это пойдёт на пользу.

Я лишь слегка кивнула в знак согласия, хотя мысль о долгом пути до озера заставляла меня внутренне напрячься. По проселочной дороге до озера было достаточно далеко, но Молли, как всегда, была тверда и неукоснительно следовала инструкциям доктора на которого чуть ли не молилась. Свято веря, что это именно его гений поставил госпожу на ноги. Ну почти...

Озеро было нашим привычным местом для прогулок — прохлада воды и тени деревьев делали его идеальным для подобных путешествий.

Мы двинулись по проселочной дороге, и Молли уверенно толкала кресло, не обращая внимания на жару. Несмотря на палящее солнце, я чувствовала, что наша прогулка принесет мне облегчение. Окружающая природа оживала вокруг нас, птицы щебетали, и листья шуршали на ветру. Я искренне наслаждалась зеленым буйством красок, как вдруг впереди на дороге показались две фигуры.

Немного приблизившись я смогла разглядеть двух молодых джентльменов в летних костюмах. Они шли неспеша, о чем то живо разговаривая, но стоило нам с Молли подъехать немного ближе, как разговоры тут же прекратились.

А потом один из них резко схватил другого за руку и что-то быстро сказал. Второй снова бросил на нас пытливый взгляд, а потом кивнул и оба они повернувшись поспешили обратно.

Намного быстрее, чем гуляли до этого.

Молли тоже заметила это, но не сказала ни слова, лишь чуть крепче взялась за ручки моего кресла и продолжила вести меня дальше.

А вот я не собиралась игнорировать такое поведение. Мне было немного обидно за такое открытое пренебрежение, ну и еще любопытно. Кому же я настолько помешала, что даже дорогу со мной делить не решились.

- Кто?

Коротко спросила я, указывая в сторону, куда скрылись мужчины.

— Ах, мисс Виктория... — неохотно ответила Молли, нахмурившись чему то своему. — Первый джентльмен — это мистер Эдвард Картер, новый викарий. Он совсем недавно приехал в наши края, молодой и, как говорят, очень амбициозный. Возможно, он просто не знал, как правильно себя вести, когда увидел вас. Всё-таки он здесь не так давно.

Я внимательно слушала, но сердце сжалось от предчувствия, что второй человек будет куда более значимым для меня.

— А второй... — Молли сделала паузу, словно подбирала слова, — это мистер Лоуренс Беверли, сын виконта Беверли. Вы ведь помните его? Он... ухаживал за вами до... до того как случилась помолвка.

Лоуренс Беверли. Я помнила это имя, как только она его произнесла, но образа он у меня никакого не вызвал. Похоже ухаживания мистера Беверли не вызвали отклика в моем сердце.

- Нет - коротко ответила я, зная что Молли поймет.

Она уже давно догадалась, что моя память имеет свои огромные проплешины и с терпением достойным Сократа их восполняла. Прочитав в моей реплике вопрос между строк служанка поколебавшисб начала рассказывать.

— Мисс Виктория, — начала она, подбирая слова с осторожностью, как будто проверяя каждый на вкус, прежде чем произнести, — Мистер Лоуренсом Беверли был увлечен вами. Ну, насколько это позволено в таких ситуациях, разумеется. Он часто бывал в Эшвуд-Корте по соседски и с вами всегда был особенно внимателен. Мистер Лоуренс, конечно, сын виконта, и у его семьи были большие планы на будущее, но все были уверенны.... Хотя это, конечно, не моё дело.

Молли, понимая границы, быстро добавила:

— Простите, мисс, не хочу нарушать дозволенного, но его отношение к вам было навиду. Но потом... потом появилась новость о вашей помолвке с другим. И мистер Лоуренс как-то сразу отстранился. Говорят, что он сильно переживал.

Она закончила с легким поклоном головы, как бы извиняясь за свои слова, понимая, что всё сказанное может быть болезненным для меня.

Я слушала её и пыталась собрать обрывки в целую картину, но всё казалось настолько далеким и не имеющим отношения ко мне, что я могла лишь задумчиво смотреть в сторону, где скрылись те самые мужчины.

А еще это породило во мне неуместный и немного тщеславный вопрос: а я красива?

Глава 8

Да! Когда-то я была красива.

Эта прогулка оставила после себя неизгладимые впечатления. Поведение бывшего ухажёра заставило задуматься: что я на самом деле знаю о себе, двадцатидвухлетней Виктории Эшвуд? Конечно, воспоминания о детстве и поместье у меня были, но всё, что касалось Лондона и жизни у брата, утонуло во мраке памяти. Я даже не помнила, как выгляжу! И с прискорбием осознала, что за все эти полгода даже не попросила зеркало. До того мне не было дела.

Но теперь я уговорила Молли принести одно такое в мою спальню. Большое, тяжёлое зеркало в полный рост. Оно стало безжалостным свидетелем того, как болезнь меняет человека.

Если верить небольшому портрету, также принесённому слугами, я была лишь тенью самой себя. Раньше рыжие локоны, волнистые и густые, обрамляли моё лицо с мягким, естественным блеском. Теперь они утратили свою прежнюю силу, висели тусклыми прядями по плечам. Моя кожа, когда-то бархатистая и сияющая, побледнела до болезненной белизны, а щёки, некогда округлые и румяные, впали, оставив лишь слабый намёк на прежнюю красоту.

Глаза, когда-то живые и полные искрящегося огня, теперь смотрели из зеркала тускло, без былой уверенности. Моя фигура, прежде стройная и грациозная, выглядела истощённой. Болезнь съела всё, оставив лишь костлявые плечи, которые торчали из-под платья, словно острые углы.

Но даже в этом состоянии я всё ещё могла разглядеть в себе что-то прекрасное. Что-то, что напоминало о прошлом, о той Виктории, которая была жива и полна сил. Рыжие волосы, хоть и поблёкшие, всё ещё сохраняли свою яркость. Я видела в зеркале девушку, измученную болезнью, но не побеждённую.

— Ах, мисс Виктория... — прошептала Молли, глядя на меня в отражении, её голос был полон сострадания.

— Всё... в....порядке, — я через силу улыбнулась служанке, больше переживая за её состояние, чем за своё. Ведь я не знала ту, старую Викторию. А новой Виктории красота не нужна. Судя по всему, замужество и высшее общество мне не светят, так зачем переживать?

Но все же с того самого момента во мне все перевернулось. Образ той красивой и счастливой Виктории просто преследовал меня повсюду, как мстительный дух, требуя вернуть прошлое назад.

Я будто наяву видела себя, то в легком кремовом платье читающую книгу в библиотеке, то срезающую розы в саду, гуляющую с собакой по дорожкам.

Светлая, беззаботная девушка. Прекрасная жизнь. Что же мне осталось от нее?

И нет, дело было не только в потеряном здоровье, положении, будущем... Нет, главное было во мне. я утратила какую то илюзию, светлую веру в то что все будет хорошо.

Перестала верить в то, что мир вокруг меня справедлив и предсказуем, что есть определённый порядок вещей, и если следовать этому порядку, то счастье и спокойствие придут сами собой. Эта иллюзия, которая раньше наполняла меня надеждой и ощущением безопасности, растворилась. Вместе с ней ушла и та Виктория, которую я когда-то знала.

Теперь каждый день был словно борьба. Борьба не только с моим телом, которое медленно, но всё же восстанавливалось, но и с мыслями, которые постоянно преследовали меня. Как духи из прошлого, они напоминали мне о том, что когда-то у меня была другая жизнь. Жизнь, которую я утратила.

И хотя Маргарет и доктор Хартли говорили мне, что я иду на поправку, что со временем всё наладится, я не могла им поверить. Потому что теперь я знала, что болезнь — это не только физическое состояние, но и нечто более глубокое. Что-то сломалось внутри меня, и я не была уверена, что это можно восстановить.

Меня не покидала мысль, что моё настоящее — это лишь тень той жизни, которая могла бы быть. И хотя я могла снова ходить, говорить — пусть и с трудом, — эта свобода не приносила радости. В ней не было того света, который был раньше.

Теперь, когда я оглядывалась на своё прошлое, я видела его словно сквозь запотевшее стекло. Там была другая Виктория, счастливая, окружённая семьёй и будущими планами. А я была здесь, в Эшвуд-Корт, словно в заточении, и все воспоминания были лишь отголоском того, что я потеряла.

Но эта новая я будто бы заново ковалась из стали. Каждодневные тренировки через боль делали меня не только физически крепче, но и укрепляли мой дух. А еще я четко начинала понимать, что мне нужна какая то другая цель, более глобальная что ли...

Не просто востановится, но и обрести новый смысл жизни. Который больше не будет связан с замужеством, высшим обществом и детьми. Изгнать мысли о потеряной Виктории и воссоздать новую себя. Стать самой себе Пигмалионом и превратить себя же в Галатею.

Поэтому последующие дни, механически выполняя упражнения на восстановление, я продолжала думать, думать и ещё раз думать.

Я так глубоко ушла в себя, что Молли начала волноваться и пригрозила пожаловаться леди Маргарет, мол, я почти ничего не ем. Но мне было не до еды — мои мысли кружились в голове с такой скоростью и разнообразием, что я иногда даже сама пугалась своих идей. К примеру, мне пришло в голову покинуть Англию и отправиться на континент. Или, возможно, в Америку? А как насчёт Египта?

Я сразу представила реакцию Арчибальда, который, вероятно, был бы счастлив поддержать любое приключение. Но леди Маргарет, разумеется, воспротивилась бы, и, наверное, была бы права. После нескольких дней подобных размышлений я пришла к осознанию, что для человека в моём состоянии такие экзотические места вряд ли подойдут. Мой план должен был быть более практичным и менее экстремальным.

И тогда одна мысль зацепилась в сознании: а что если писать? Не покидать дом, а вместо этого вложить свои переживания, мысли и, возможно, даже историю болезни в слова? Писать могла бы быть не только форма самовыражения, но и способ восстановления. Литература всегда была мне близка, и раньше, до болезни, я даже подумывала о том, чтобы писать. А теперь у меня есть время, есть повод и, главное, есть опыт, который нужно осмыслить.

«Вот оно!» — подумала я. Моё решение не лежит в путешествиях или побегах, а в создании чего-то нового здесь, в Эшвуд-Корте. Я могу стать писательницей.

Это новое увлечение дало бы мне цель и возможность вырваться из ловушки собственного тела, погружаясь в миры, которые я могла бы создать, несмотря на свои ограничения.

Тем более, что я могла немного схитрить. Те несуразные образы будущего, именно так будущего!, что внезапно приходили мне в голову, были хорошей подспоркой для литературных эксперементов.

К примеру, почему бы не описать некие события, которые в теории могу произойти лет через десять-двадцать? Хмм...

Идея написать книгу начала захватывать меня целиком. Это было не просто вдохновение — это была возможность выразить всё, что происходило внутри меня за последнее время, с тех пор как я оказалась здесь, в Эшвуд-Корте. Моё тело пока ещё не могло следовать за мыслями, но разум работал с невероятной скоростью. Я почти видела перед собой страницы, которые будут исписаны, сюжеты, которые наполнят мои миры.

Почему бы не создать что-то уникальное? Например, роман о девушке, которая вынуждена преодолевать собственные ограничения, но при этом сталкивается с реальностью, где всё меняется быстрее, чем она успевает адаптироваться. Я могла бы использовать свои видения будущего, те странные и не всегда приятные образы, которые вторгались в мой разум. Возможно, это был мой шанс сделать что-то значимое.

— Молли, — попыталась я позвать служанку, но голос мой был слабым. Она всё равно подошла мгновенно, как будто чувствовала, что я готова поделиться новой идеей.

— Да, мисс Виктория? Что-то нужно? — её глаза светились заботой и терпением.

Я кивнула и жестом указала на письменный стол.

— Хочу... писать, — произнесла я с усилием.

Молли слегка удивилась, но, не задавая лишних вопросов, принесла перо, чернила и несколько чистых листов бумаги. Я положила руку на перо и начала медленно выводить первые буквы, хотя это давалось мне нелегко. Однако, несмотря на усталость и слабость, я чувствовала, как вдохновение буквально переполняет меня.

Первей строки были, возможно, неловкие и немного неуклюжие. Но это был мой первый шаг к тому, чтобы создать миры, где я была не ограничена своим состоянием. Где я могла бегать, скакать, исследовать далекие страны, о которых раньше могла только мечтать.

"Эта история начинается с пробуждения..." — писала я, и каждая новая строка будто открывала для меня не только новый мир, но и возможность вновь быть самой собой.

Мир романа, который я создаю, стал для меня убежищем, где можно было чувствовать свободу.

Глава 9

Пять месяцев спустя...

Я беспрестанно ходила туда сюда и с замирающим сердцем смотрела как Маргарет беспокойно пожевывает свои губы.

О, нет, я не выдержу если она скажет...

- Это гениально! - заявила леди Эшвуд и моя единственная близкая подруга отрывая взгляд с последнего исписанного листа - Ты должна сделать с этим что-то и немедленно!

Я облегченно выдохла и присела в кресло наконец-то расслабившись.

— Ты должна сделать с этим что-то и немедленно! — в голосе Маргарет звучала такая уверенность, что я почувствовала, как теплая волна накатывает на меня. Подруга всегда была на моей стороне. На все тысячи возможных процентов. Даже сейчас, несмотря на жесткий запрет брата, она умудрялась ускользать от его всевидящего ока и проведывать меня в ссылке с завидной регулярностью. Не говоря уже о письмах, что я получала стабильно раз в неделю, а то и дважды.

— Я... даже не знаю, с чего начать, — призналась я, усаживаясь поудобнее и взяв наконец -то чашку с остывшим чаем в руки — У меня нет ни малейшего представления, как это всё работает. Публикации, издатели... Это другой мир, и я даже не уверена, что меня примут всерьёз.

Маргарет, сидя на краю дивана, нетерпеливо махнула рукой, словно сметая мои сомнения.

— Оставь это мне. Я знакома с несколькими влиятельными людьми, которые смогут помочь. Есть один литературный агент, которого мы могли бы привлечь. Он уже не впервый раз публикует аннонимные произведения, главное чтобы оно было стоющим. А твоё, я уверена, произведет настоящий фурор, — она сделала паузу, её глаза сверкнули, — Ты даже не представляешь, какая сила заключена в твоих словах, Виктория.

Моё сердце бешено колотилось. Публикация! Это было то, о чём я могла только мечтать, когда начинала писать.

— Ты правда думаешь, что это возможно? — спросила я с неуверенностью, которая, несмотря на энтузиазм подруги, всё ещё не давала мне покоя.

— Больше чем уверена, — Маргарет встала и подошла ко мне, нежно касаясь моего плеча. — Я помогу тебе, Виктория. Ты заслуживаешь, чтобы твой труд увидел свет. Всё, что нам нужно — это чтобы твое вдохновение не истощилось, а все остальное оставь мне.

Я кивнула, чувствуя, как впервые за долгое время во мне зарождается настоящее чувство надежды. Как же хорошо, что в моей жизни есть Маргарет. Она заменила мне семью, которая отреклась от меня в лице Арчибальда.

- Как там Лондон? - реишла я сменить тему и быть вежливой. Мы говорили последние два часа только обо мне, а жизнь моей дорогой подруги обходили стороной.

- К сожалению стоит - вздохнула леди Эшвуд, которая занимала важное место в обществе и могла позволить себе такую откровенность только в присутствии самых близких. Благо я входила в это число. - Все та же грязь, вонь и лицемерие. Ярмарка суеты.

Она передернула плечами и мне стало очень грустно. Иногда мне казалось, что Маргарет мечтает стать такой же парией как и я и оказаться в уютной ссылке, в Эшвуд - Корте.

- Вот уже два месяца как ее величеству были представлены новые дебютантки и весь высший свет просто стоит на голове.

- Почему? - искренне удивилась я. Что такого нового увидели эти проженные снобы?

- О, в этом году они особо дикие так, как....

Маргарет запнулась и бросила на меня осторожный взгляд. Такая реакция натолкнула меня на мысль, что ответ мне не понравится, но я все же вопросительно взглянула на нее.

Поколебавшись графиня Эшвуд ответила:

- Генри Лэнгтон стал герцогом и теперь он самый молодой и неженатый пер в Англии.

Ах, вот оно что!

Я откинулась на спинку кресла и задумчиво потянула холодный чай. Кстати, стоит позвать прислугу и заменить его. Все таки вкус этого чая становится исключительно отвратительным, когда он остывает.

Так о чем я? Ах, да, Генри Лэнгтон, бывший жених и новая крупнейшая дичь в аристократических угодьях.

Что ж, я могу лишь посочувствовать новоиспеченному перу Англии. Мне его проблемы не понять.

- Ну что же - сказала я невозмутимо, так как Маргарет все еще пристально вглядывалась в меня ожидая хоть какой-то реакции - Желаю новоиспеченному герцогу Пемброку хорошой физической формы.

- Зачем? - искренне удивилась подруга.

- Чтобы быстро бегал и смог скрыться от толпы благородных девиц и их мамаш, готовых разорвать такой желанный приз на лоскутки.

Маргарет еще секунду смотрела на меня с недоумением ,а потом совсем не благородно пырснула. Как девченка! А потом и вовсе искренне, громко рассмеялась.

Я подхватила этот смех думая о том, как хорошо вот так общаться не будучи связаными узами жестких правил и этикета. Есть свои плюсы быть парией в этом обществе.

- Как же мне тебя не хватало такой - отсмеявшись призналась леди Эшвуд и протянув свою руку крепко сжала мою ладонь - Я скучаю, Викки.

- Я тоже - от души улыбнувшись подруге я в ответ тоже сжала ее ладонь, а потом отстранилась - Так ты говоришь герцогу Пемброку сейчас не сладко?

- Во истину в этом мире существует справедливость - ответила Маргарет возведя глаза к панелям на потолке поместья - Но оставим его наедене с его горестями. Я бы хотела предложить тебе кое что другое.

- И что же? - спросила заинтригованная я.

Леди Эшвуд немного помялась, но все же сказала:

- Давай поедим в Бат этим летом...

- О, нет!!!! - не успела она договорить как я уже отрицательно замотала головой - Только не Бат! Даже не уговаривай!

Ехать на курорт где на оди квадратный метр сталкиваються два герцога, три маркиза, четыри виконта и один принц. Нет, нет, и еще раз нет!

Если что и могло напомнить аристократический улей так это Бат в летний сезон. Конечно же все это подавалось под соусом поправки здоровья, но на самом деле этот город насыщенный термальными водами просто был летней резиденцией для высшего общества Лондона.

Как я уже упоминала даже королевское семейство не брезговало там появляться. Поэтому моя особа будет там не к месту.

- Виктория, послушай - не унималась подруга - Мы снимем домик подальше от всех. Ты даже не будешь ни с кем встречатся. Я говорила с доктором Хартли - он настаивает на термальных водах.

" Как хорошо ,что Молли этого не слышит"- подумала я и достала платочек, чтобы утереть набежавший на лоб пот. Для моей служанки слова доктора были закон.

Но одна мысль о том, чтобы покинуть поместье и показаться на публике пугала меня. В Эшвуд - Корт я была в безопасности, а в Бате нет.

- Викки, я сама не хочу отдавать тебя на сьедение этим пираньям - сообщила Маргарет пододвигаясь поближе и взяв меня за руку -Но пойми, твое здоровье стоит любых рисков. Обещаю, что позабочусь обо всем. Ни одна мышь не увидит тебя. Мы будем жить в отдельном доме, вдали от центра. Я уже договорилась, чтобы нас пускали в бассейны после того как они закроются.

- Оооо, - только и смогла произнести я - Ведь это же так дорого! Арчибальд знает об этом?

Спросила с сомнением. Что то мне кажеться, что брат не потратил бы и лишнего пени на мое содержание ,а уж тем более такую суму.

- Нет - помрачнела Маргарет, а потом отодвинулась и уставилась в окно грустным взглядом. Сейчас она была похожа на модель с картин знаменнитых художником. Грустна, одухотворенна и безумно красива, но как то уж очень трагически.

- Маргарет? - с беспокойством позвала я.

- Я снова беременна, Викки. - тихо отозвалась подруга.

— Ох! — только и смогла произнести я.

С одной стороны, это была радостная новость, но я уже достаточно вспомнила, чтобы понимать — Маргарет это не радует.

Я старалась не вмешиваться в их семейные отношения, но даже мне было известно, что граф Эшвуд очень любит свою жену. В отличие от неё самой.

Маргарет терпела и снисходила к попыткам Арчибальда сблизиться, будучи правильной девушкой из правильной аристократической семьи, но это совсем не напоминало глубокие чувства или хотя бы элементарную привязанность.

К такой непростой ситуации добавлялась ещё и раз за разом неудача с наследниками. Это была уже четвёртая беременность Маргарет, и пока ни одна из них не принесла желанного плода.

- Все в порядке милая- улыбка Маргарет больше напоминала гримасу мученицы, чем лицо счастливой будущей мамы- мы пройдём и это.

- Однозначно- ответила я так же не искренне, но потом добавила более откровенно - Но если вдруг тебе нужно будет поговорить...

- То у меня есть только ты, Викки - сообщила она и неожиданно взяв мою ладонь поднесла к губам и поцеловала - Ты всегда была единственным лучиком света в моей жизни.

Этот жест и внезапное признание от всегда сдержанной Маргарет меня очень смутили. Но я понимала ее чувства и насколько она растроена в этот момент.

- Я не буду ничего обещать, Маргарет - решила я поднят настроение подруге и уйти с неловкого момента - Но возможно, возможно! я все же смогу найти в себе сил поехать с тобой в Бат.

- Ооооо -радось леди Эшвуд теперь была совсем не притворна -Это будет прекрасно, Викки. И поверь, я все устрою самым лучшим образом.

-Не сомневаюсь, Маргарет. Даже не сомневаюсь!

Глава 10

Для девушки благородных кровей Бат — это уникальная возможность проявить себя в полуофициальной обстановке. Почти весь высший свет стекается в этот маленький курортный городок под благовидным предлогом поправить здоровье.

Реальность же была в том, что Бат стал ареной для всевозможных интриг, поиска выгодных браков и укрепления социальных связей. Здесь, среди минеральных источников и аккуратных садов, завязывались романтические союзы, подслушивались секреты, обсуждались последние лондонские сплетни. Для девушки благородных кровей такой визит был не столько возможностью "поправить здоровье", сколько шансом наглядно продемонстрировать себя на брачном рынке.

Поэтому поездка в Бат всегда вызывала восторг и трепет в чутких сердцах юных и иногда слишком меркантильных барышень.

Моё же настроение было абсолютно противоположным.

Мне не нравилось, куда мы едем, к кому мы едем и как мы едем. Мне вообще не хотелось покидать Эшвуд-Корт. Но к огромному удивлению и даже ужасу я получила неделю назад короткое, лаконичное и холодное письмо от Арчибальда.

Брат настоятельно рекомендовал (читай — требовал) ехать в Бат и поправлять здоровье. Сказать, что я была удивлена, — это ничего не сказать.

Такой поворот событий резко выбивался из моего представления о желаниях брата. Но полная оптимизма и радости приписка Маргарет натолкнула на мысль, что отказать беременной жене Арчибальд был не в силах.

И поэтому всю эту неделю Молли придирчиво собирала мои чемоданы командуя служанками направо и налево, как генерал своей маленькой армией.

- Какое платье лучше взять, мисс? Голубое или бежевое? - допытывалась служанка разложив передо мной скромный гардероб.

- Все равно - равнодушно отвечала я, даже не взглянув на свои наряды и продолжая старательно выводить буквы на бумаге.

Вот! Еще одна причина ненавидеть Бат! Он отрывает меня от любимого дела. Я не смогу полностью погружаться в мир своих фантазий и доверять их бумаге.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.